

Юн Шань не успел даже подготовить коня, выскочил из зала наследного принца и напрямиком, не говоря никому ни слова, помчался во дворец Аньи. Охрана, которая заметила, что наследник престола, будто белены объевшись, выбежал из кабинета и устремился на улицу в снегопад, была в растерянности, и ей ничего не оставалось, как торопливо следовать сзади.

Дворец Аньи и дворец наследного принца всё же принадлежали сынам императора, поэтому находились не так далеко друг от друга.

Юн Шань весь путь бежал, что есть мочи, и наконец достиг беззаботного дворца, где так кстати из ворот поспешно кто-то выходил и по неосторожности ударил юношу, едва не столкнув его с лестницы.

Этим человеком оказался придворный евнух Юн Линя. Сначала слугу охватила паника, но когда он поднял голову и увидел перед собой наследного принца, так испугался, что его разум улетел, а душа рассеялась. Мягко упав на землю, мужчина изо всех сил начал кланяться:

— Ваш слуга заслуживает смерти! Ваше Высочество наследный принц, пощадите, Ваш слуга спешил в покои лекарей, он так торопился, что разум помутился, а глаза совершенно ослепли...

У Юн Шаня, стоило ему услышать про покои лекарей, сердце оборвалось. Юноша столкнул ногой евнуха со ступенек и забрался:

— Всё ещё медлишь?

Покачав головой, Юн Шань ворвался во дворец.

Встречающиеся по пути придворные служанки и те, кто опрометью метался туда-сюда с тазом воды по крытой галерее, завидев наследного принца, тотчас же опускались на колени, приветствуя его, однако юноша совершенно не обращал на слуг внимания.

Как только Юн Шань дошёл до покоев хозяина, то услышал раздававшиеся из-за двери вопли Юн Линя:

— Придворный лекарь пришёл? Тупица! Снова пошли людей, да как можно скорее, живо! Старший брат Юн Ци, потерпи немного...

Юн Шань напрягся в душе и мгновенно поднял занавеску.

Ах!

Рука вышла из-под контроля и задрожала так сильно, что юноша, дёрнув за дверную занавеску,

всё же разорвал её наполовину.

Юн Ци лежал на кровати, верхняя часть тела была заключена в объятиях Юн Линя, в лице не было ни кровинки, оно было настолько бледным, что казалось прозрачным, словно снег, который скоро растает.

Юношу душил непрерывный кашель, который, казалось, перерастал в лёгкую рвоту, заставляя каждый раз тело нестерпимо сгибаться. Юн Линь прикладывал ко рту брата край шёлковой белой простыни, на которую попадала кровь, окрашивая её в ужасающий ярко-алый цвет.

— Его Высочество наследный принц прибыл...

Юн Линь, держа Юн Ци на руках, от волнения совершенно растерялся. Он обернулся и посмотрел на Юн Шаня и, забыв, что его брат является беспощадной скотиной, умоляюще позвал на помощь:

— Старший брат Юн Шань, старший брат Юн Ци, он... Скорее помоги ему!

Наследник престола сделал широкий шаг и вошёл в комнату, затем забрал у младшего близнеца Юн Ци и крепко обнял его.

Их тела соприкоснулись. Почувствовав нежные объятия, Юн Шань был готов расплакаться.

Однако сейчас было не время проливать слёзы.

Юн Шань слегка скрежетал зубами, сдерживая взволнованное состояние, и приказал принести чистую шёлковую ткань, чтобы вытереть губы старшего брата. Юноша невозмутимо спросил:

— Когда это началось?

— До этого всё было хорошо, только когда он принял лекарство, укрепляющее здоровье...

— Кто дал тебе рецепт?

Юн Линь замер:

— Матушка сказала...

Взгляд Юн Шаня стал острым словно нож, и юноша, скрепя зубами, проговорил:

— Матушка сказала тебе про рецепт, и ты осмелился напоить Юн Ци? — Если бы он не держал старшего брата, то наверняка бы отвесил младшему близнецу семь-восемь звонких пощёчин.

— Почему его нельзя было давать? Я попросил придворного лекаря Хуан-лао посмотреть рецепт, и оказалось, что он благотворный и безвредный, — Юн Линь начал злиться. — Если бы не ты... ты... ох, понадобилось бы мне это лекарство?

Услышав нечто странное, Юн Шань хотел ещё что-то спросить, но снаружи раздался громкий голос слуги, который торопливо доложил:

— Ваше Высочество! Ваше Высочество! Прибыл придворный лекарь!

Мужчина спешно поднял занавеску, и в комнату вошёл придворный лекарь Хуан-лао, которого слуги окружили, словно звёзды луну. Сзади шёл евнух из покоев лекарей, держа в руках маленькую коробочку со снадобьями, приготовленную специально для Хуан-лао.

Юн Линь преградил дорогу мужчине, не позволив тому даже поприветствовать его:

— Сколько ещё Вы будете заниматься показухой? Скорее осмотрите больного! Скорее!

Желание Юн Шаня и Юн Линя совпадало, ведь сейчас самым главным было вылечить Юн Ци. Заметив, что Хуан-лао подошёл к юноше, наследный принц без лишних слов отстранился и шепнул на ухо лекарю:

— Корень зла находится в том укрепляющем здоровье лекарстве, рецепт которого дал Юн Линь. Господину лекарю нужно срочно придумать снадобье, которое поможет ослабить эффект и вывести его из организма.

Придворный лекарь Хуан-лао узумлённо посмотрел на Юн Шаня.

Не было времени объяснять, и юноша с каменным лицом проговорил:

— Не нужно ни о чём спрашивать, доверьтесь моим словам и сделайте всё как надо. Юн Линь, пойдём выйдем.

Оставив лекаря с Юн Ци, Юн Шань взял младшего брата и отвёл его в другую комнату.

Заперевшись, братья стали перешёптываться.

— Объясни, что случилось с рецептом, укрепляющим здоровье.

Упомянув об этом, Юн Линь тотчас же вспомнил своё благое дело и, обнажив истинный облик, фыркнул:

— Какой укрепляющий здоровье рецепт? Само собой, я их обманул. Это на самом деле противоядие.

— Какое противоядие?

— От того лекарства, что ты давал старшему брату Юн Ци.

— Вздор! — наследный принц помрачнел. — Когда это я давал лекарство Юн Ци?

— Юн Шань! Ты смеешь говорить, что не опаивал Юн Ци? — Юн Линь внезапно повысил тон и гневно посмотрел на близнеца. — Ты, дававший старшему брату Юн Ци любовный напиток, чтобы заниматься с ним постыдными вещами, смеешь сказать нет?

— Закрой рот! — тихо рыкнул Юн Шань, на висках которого вздулись вены.

Взгляд, что упал на Юн Линя, был холодным, бесчувственным и мерцающим тусклым светом, он заставлял сердце трепетать от страха. Хоть Юн Линь не боялся ни неба, ни земли, однако, почувствовав, как от этого взгляда холод пробегает по позвоночнику, не осмелился что-либо говорить.

— Верно, я давал лекарство Юн Ци, но я не желал ему смерти, — тихий голос Юн Шаня угнетающе воздействовал на все нервы и чувства. — Но ты, ты пожелал его смерти.

— Я, нет...

— Ты отравил его.

— Я попросил придворного лекаря посмотреть рецепт.

Юн Шань крепко стиснул кулаки, как же хотелось ударить стоящего перед ним и так похожего внешне, но обладающего другим умом младшего брата, который сейчас был слегка напуган. Наследный принц процедил сквозь стиснутые зубы:

— Стоит только упомянуть Юн Ци, как матушкины слова начинают сочиться ядом. Что уж говорить о рецепте?

Вчера состояние старшего брата в покоях лекарей улучшилось, а после лекарь сказал, что ему стоит хорошенько отдохнуть, тогда он быстро поправится, и всё будет хорошо.

Однако сегодня, выпив лекарство, юноша внезапно ослаб и стал безостановочно харкать кровью.

Даже безмозглый Юн Линь догадался, что происходит что-то неладное.

Сомнения терзали душу, однако юноше сложно было поверить, что наложница Шу действительно использовала его, желая убить Юн Ци. Медленно качая головой, Юн Линь с трудом напряжённо проговорил:

— Не может быть, ты несёшь чушь, в рецепте были всякие целебные и выводящие яд снадобья. Я не разбираюсь в рецептах, а ты разбираешься? Об этом... об этом стоит спросить лишь придворного лекаря, иначе я не поверю. — На лице юноши появились недоумение и боль оттого, что он подвергся обману со стороны самого близкого человека.

Юн Шань с холодной усмешкой произнёс:

— Я хоть и не разбираюсь в рецептах, но зато хорошо разбираюсь в людях. От этого матушкиного лекарства Юн Ци определённо будет больше вреда, чем пользы.

Он развернулся и открыл дверь.

Юн Линь спросил:

— Куда ты идёшь?

— Дождусь, когда лекарь закончит осмотр, а потом заберу Юн Ци с собой. — Юн Шань остановился у двери и выпрямил широкую спину. — Отдать тебе старшего брата было моей грубой ошибкой.

Наследник престола вернулся в комнату хозяина, где царил такая тишина, что можно было услышать звон упавшей иголки. Все затаили дыхание, ожидая, когда лекарь поставит диагноз.

Вскоре в комнату вошёл Юн Линь, вид его был крайне расстроенный, сам юноша встал в стороне, храня молчание.

Лекарь Хуан-лао прощупал артерию Юн Ци и, обращаясь к Юн Шаню, доложил:

— Его Высочество Юн Ци, похоже, действительно пострадал от целебного лекарства, если сначала ввести серебряные иглы, а потом...

— Так и поступите. — Юн Шань сделал жест, прося лекаря принять собственное решение, и

мягко проговорил: — Только скорее поправьте его здоровье, а на других не обращайтесь внимания.

Получив приказ, лекарь повиновался, попросил евнуха принести иглы, лично ввёл их в тело Юн Ци и, вновь выписав рецепт, подозвал людей, чтобы те как можно скорее приготовили лекарство.

Введя иглы и получив приготовленное снадобье, лекарь напоил Юн Ци.

Меньше получаса длилась суматоха.

Поначалу Юн Ци мучил безостановочный кашель, а из уголка рта вытекала тонкая струйка крови, теперь же хоть он слегка и покашливал, но уже не так мучительно. Немного приоткрыв глаза, юноша с трудом дышал, не понимая, спит он или, наоборот, бодрствует.

Наградив придворного лекаря Хуан-лао, Юн Шань, не обращая внимания на того, кто являлся владельцем дворца Аньи, приказал:

— Подготовить закрытый паланкин и доставить Юн Ци во дворец наследного принца.

Всё ещё терзаемый сомнениями, да ещё испытывающий угрызения совести Юн Линь открыл рот и без каких-либо возражений грустно проговорил:

— Я тоже хочу поехать вместе с ним.

Юн Шань холодно посмотрел на младшего брата.

Юн Линь сказал:

— Иначе, если ты не позволишь, даже и не думай забирать его.

Лицо Юн Шаня помрачнело:

— Ты всё ещё не веришь мне?

Этим вопросом юноша пронзил самое невыносимо больное место младшего брата. Красивое лицо Юн Линя передёрнулось, и, подняв взгляд, юноша сипло ответил:

— Я теперь, я теперь никому не верю!

В итоге Юн Шань повёз обратно Юн Ци во дворец наследного принца, и Юн Линь, который не менял своего мнения, также последовал за ними.

Чан Дэфу видел, как наследный принц, словно обезумев, выскочил прочь и бесследно пропал на долгое время, а потом вернулся с двумя сынами императора, один из которых был изнурённо больным, а второй пребывал в растерянности.

Слуга хоть и изумился, однако не осмелился ни о чём спрашивать. Вместо этого он приказал всем придворным слугам и евнухам прибраться в крытой комнате, подготовив её для Юн Линя.

Что же касается покоев Юн Ци, то, конечно же, они были теми же самыми, в которых юноша жил до этого.

Юн Шань, как и прежде, делил одну комнату со старшим братом. Теперь, когда отец-император запретил ему ежедневно приходить и справляться о его здоровье, юноша решил, что лучше он целыми днями будет находиться во дворце наследного принца и распоряжаться докладными записками, что поступали ему. С одной стороны, он присматривал за Юн Ци, а с другой — просматривал бумаги и делал замечания.

Придворный лекарь Хуан-лао каждый день навещал Юн Ци, проверял его пульс, вводил серебряные иглы и давал приготовленное на воде лекарство.

Несколько дней спустя Юн Ци постепенно стал приходить в себя, и его слабость была не такой, как раньше.

Увидев это, Юн Линь обрадовался и в то же время сильно обеспокоился. Состояние старшего брата улучшалось, что конечно же не могло не радовать, однако это, несомненно, доказывало предположения Юн Шаня насчёт матушки Шу.

Испытывая бесконечные муки совести, Юн Линь утратил прежние игривость и озорство. Днём и ночью юноша находился рядом с Юн Ци, ведя себя скромно и переживая, что утратил расположение старшего брата.

Юн Ци с Юн Шанем также немного общались.

Два брата хоть и жили в одной комнате, однако были как никогда отчуждены друг от друга. Случайно встретившись взглядами, помимо своей воли, они молча отворачивались и притворялись, что не обращают друг на друга внимания.

После того как Юн Ци украл письмо, его сердце постоянно трепетало от страха. Он был необычайно робок и, каждый раз видя Юн Шаня, чувствовал, будто у него на лице было написано уродливое и заставляющее отвести взгляд слово «предатель».

Он боялся, что в какой-то момент Юн Шань внезапно узнал о его дурном поступке и поэтому сетовал на него.

Для Юн Ци, который пришёл в себя и обнаружил, что каким-то странным образом оказался во дворце наследного принца, да ещё рядом с Юн Шанем, это стало своего рода мучительным страданием.

Младший брат выглядел равнодушным, однако внутри он был подобен лаве. Насколько ужасной была бы любовь и ненависть, узнай Юн Шань про письмо Гун Ухуэя, Юн Ци не осмелился даже представить.

Если так, то между ним и Юн Шанем всё кончено.

Кончено...

Юн Ци почувствовал себя так же, как и в тот день, когда его приговорили к аресту. Это случилось после начала осени, минута за минутой юноша смотрел, как желтеет листва, увядает и облетает с ветвей, приближая час его смерти.

Он не хотел, чтобы всё кончилось.

Однако всё было обречено.

Уже обречено.

Что насчёт Юн Шаня?

Наследный принц сразу заметил, что Юн Ци, придя в себя, отдалился от него, но виду не подал.

Всё, что ему осталось, это винить себя.

<http://bllate.org/book/13372/1189603>